

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

**Книжная серия
«Визитная карточка литератора»**

СОФИЯ КАМАЛОВА

Я. ONLINE

**СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА**

**Вест-Консалтинг
2014**

С. Ц. Камалова. Я. Online. – Предисловие: *Римма Вечерина.* – М.: Вест-Консалтинг, 2014. – 44 с.

Представленный читателю сборник – дебютный, однако произведения в нем уже получили высокую оценку. София Камалова – член Союза литераторов России; Государственный стипендиат в номинации «Талантливые молодые авторы России».

Проза ее психологична, автор любит своих героев, соперничает им и этим внутренним наполнением продолжает традицию русской классики, разумеется, авторский стиль письма абсолютно современен.

ISBN 5-86676-

© С. Ц. Камалова, рассказы, 2014
© Р. Б. Вечерина, предисловие, 2014
© Союз литераторов России, идея издания, 2014
© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, верстка, 2014

Об авторе

София Камалова родилась в Москве в 1987 году и воспитывалась в семье литераторов. Ее трагически погибший отец Цихил Камалов был известным лакским (Дагестан) драматургом, поэтом и прозаиком. С раннего детства София была погружена в две культуры, две стихии – Пречистинки в Москве и высокогорного аула. Это не могло не отложить отпечаток на обостренное восприятие окружающего, рано возникшей потребности выразить себя в творчестве, в том числе – живописи.

В настоящем София ученый секретарь, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги. Выбор профессии и творческое кредо слилось в молодом литераторе по-настоящему гармонично. Ее проза психологична, автор любит своих героев, соперничает им и этим внутренним наполнением продолжает традицию русской классики. Разумеется, стиль письма автора абсолютно современен. И это не только словарь, прежде всего это чрезвычайная плотность текста. Развитие образа в трехстраничном тексте Софии может перекрывать успех не бесталанного текста полновесной повести современного автора.

Герои Софии – ее сверстники, и как она в свое время, пытаются решить вопросы поиска себя и смысла своей жизни. Без высокопарных рассуждений, но продвигаясь поступками – шаг за шагом. Главное же достоинство прозы Софии – живые люди в ней, а значит вызывающие живое чувство.

*Римма Вечерина,
член Союза литераторов России*

Я. ONLINE
повествование без вымысла

памяти отца

Мои сверстники о случившемся пишут в ЖЖ. Я начинала с этого, а еще с фанфиков. Могла бы этим ограничиться, но в событиях, вы увидите это, я вдруг обнаружила нечто обусловленное, вернее, закономерное. Кто-то пытается заглянуть вперед, веря в гороскопы, я же надеюсь предвидеть будущее, уловив за хвост закономерность событий моей жизни здесь и сейчас. Она не линейна, эта закономерность, проглядывается, когда притормозишь, и перед тем как двинуться вперед, оглянешься назад.

Итак, в путь. Попробую быть честной с собой – иначе мне не совладать с беспокойством. Иногда, кажется – я не хочу взрослеть... Надеюсь, в том, что я прочту по завершении, не окажется ни капли выдумки ни в событиях, ни в толковании их. Поначалу труднее всего с именами. Проще со сверстниками, они давно и прочно существуют под «никами». Дальним, так и быть, имена выдумую. Близких – определю, как чувствую...

x

Сегодняшний поздний вечер. Возвращаясь после занятий в школе вожатых, захожу в супермаркет, и у кассы слышу предложение выпить по чашечке кофе. Возраст незнакомца сразу не определишь, скорее – к сорока. Разумеется, отмазка у меня была. Мол, поздно, тороплюсь. Но я почему-то кивнула и пошла к кафетерию. Впереди пошла. На неуместное дополнительное предложение ответила подчеркнуто спокойно: «Спасибо, только кофе». Странно, в начале избегал моего взгляда он, я же нисколько не тусовалась. Хотя...

Об этом позже. Сначала о сегодняшнем завершённом дне...

xx

Утро в нашем доме начинается со звонка будильника на мобильном Мамина, далее звучит «Youth Of The Nation».

Пульт нащупывается моей сонной рукой, но не тут-то было. В дверях оказываются: сперва – мамик – со стаканом сока, потом Лёва – хвост трубой. Сок отправляется на полку, Лёва – мне на грудь. Увы, надо подниматься. Центр притушен в интересах соседки снизу – потому двери ванной и туалета полуприкрыты. Котопёс «наружит» у них. Мамик – собачница, я – кошатница. Но ни нашим, ни вашим. Я мечтала об огромном коте с кличкой Леонардо, в память героев «Титаника» и «Черепашек Ниндзя». В результате: миниатюрная кошка с повадками собаки. В приоткрытую дверь ванной комнаты продолжает врываться «Молодость нации». Эту композицию я полюбила за ритм. В слова как-то не вслушивалась. Наверное, прелесть языка церковных служб – латыни или старославянского – в слабом улавливании смысла, угадывании его в ритме, фрагментарном узнавании отдельных слов. Так было и у меня: с большинством англоязычных композиций. Теперь, благодаря Интернету, английским языком я владею прилично. Англоязычный текст давно любимой группы, сливший в единую композицию мужественные и юные голоса, вдруг ударяет в меня смыслом. С утра я, оказывается, слушаю реквием по надежде на светлое будущее... У них...

А у нас? Додумывать некогда, потом.

Доглаживаю свой кофе, последним взглядом окидываю себя в зеркале. Экипировка моя сложна: на грудь или левую руку – по сезону – тр3 плеер. Наушники чуть ли не студийные – головной убор отдыхает круглый год. Темные очки, в ящике их не меньше дюжины. Не смотря на рост – никаких каблучков. Все! Я готова к встрече со столичной, дикой толпой и очередному опозданию на первую пару. И так: три трамвая и метро с двумя пересадками. Лица сидящих и стоящих являют полуприкрытые глаза, опущенные уголки рта. А я, черт побери, улыбаюсь, и надо мной нависают. Утренняя улыбка в общественном транспорте – диковинка, ею, наверное, греются. Расставляю до упора кроссовки, погружаюсь в мелодию из наушников. На пересадке в хорошем темпе поднимаюсь по обездвиженному эскалатору в числе немногих. И не потому, что спешу. Вместо первой пары зачет по этнопсихологии. Если бы Япония...

Выходит серединка на половинку – Ислам. – Ваша фамилия татарская? – Лакская. Экзаменатор заметно оживляется: – Знаете лакский язык? – Увы, но мое первое слово – лак-

ское – «абен». И перевожу – «поцелуй». Слышу за спиной легкий смешок, их право – слышу недотрогой. Сосредотачиваюсь на очередном вопросе, а затем чувствую, что могу перехватить инициативу. Потому отношу свою нацию по отцу к суннитам, описываю аулы, в которых проводила лето, их быт. Называю приблизительное число народности в России. Половина лакцев-мужчин, уходивших со скудной горской земли на промыслы, после закрытия границы с Турцией оказалась за рубежом. Это и печальная история моей прабабушки. Мужчины ее семьи оказались вне родины. Экзаменатор кивает и упускает из виду, что вопросы задавать должен он. Оказывается, я помню немало. Мамик постарался. Набираю на народные промыслы Дагестана – дом полон альбомов. Но, прежде всего – Балхар. Изделия балхарцев традиционны – корнями ремесла уходят вглубь веков... Действительно, балхарские кувшины напоминают античные. Терракота или черный фон их украшены светлым орнаментом. Среди тех, что у нас в доме, есть несколько уникальных, коллекционных, дареных Мастером. И еще фигурки странных животных, как правило, парных. Рассказывать я умею. Преподаватель сознается, что специализируется по Северному Кавказу. И я увлеченно продолжаю, хотя чувствую, что рассказываемое не слишком близко к сдаваемому предмету. У лакцев из Балхара всегда ценились невесты с крупными ступнями – месить глину. Друг отца – настоящий гончар-художник – создал семейную фольклорную группу. Жена и двое дочерей служили фоном, изображали танец лишь движениями рук. Двигаться им было не по силам. На них надевали что-то в виде полотен, от горла до ступней увешанных серебряными изделиями. Настоящий художник не продавал самое лучшее – менял его на столь же уникальное, созданное Мастером... Серебро друга отца не покупалось, а свидетельство о мастерстве поколений. В начале девяностых оно было украдено... Перевожу дыхание и получаю зачет. В коридоре я встречаю полное одобрение своей ловкости. Пусть думают, что хотят. Конечно, получить зачет на халяву любому студенту классно, только меня в эту минуту не это греет. Памятные лица ожили во мне. И горько, и светло одновременно – прикосновение к родному, теперь – не доступному. Появляться мне в беспокойном Дагестане без сопровождения мужчины-родственника небезопасно.

Я передаю лекции вечному прогульщику Лексу, встряхиваюсь и отправляюсь со счастливицами отмечать удачу – что ни говори – на этот раз занималась я спустя рукава. Наш факультет занимает бывшую усадьбу. Территорию ее, полагаю, урезали, но осталась позади строений крошечная рощица и лужайка. Туда и отправляемся с пивом. Я – связующее звено ботаников с пофигистами. В отличие от первых я и лекции могу пропустить, и не парится из-за четверки, хотя успеваю на их уровне. В ботаниках у нас серьезные девушки, в пофигистах – девушки гламурные и основная часть парней. С парнями у меня партнерские отношения, делюсь с ними лекциями, помогаю с КВНом. Даже выступала однажды в команде. Но быстро поняла – не мое. Играть в импровизацию скучно. С гламурными я практически не общаюсь – тем общих нет. Еще со школы у меня сложности с девичьими темами. Обсуждаются три вопроса: что у меня с моим парнем, где это купила, предки достали. Парня у меня нет, прикид мой по большей части спортивный, в доме – я на равных. За свои поступки несу полную ответственность, а потому свободу мою не ограничивают, и проблем не возникает ни у меня с мамиком, ни у нее со мной. Кест протягивает чипсы и сообщает, что у Ника новая девушка из экономистов. Нас в этом семестре уплотнили. Я киваю, а Кест сетует, что никак не может найти себе пару. Считывается намек и на оказанную мне помощь в приобретении чипованной ПСП. – А ты влюбиться для начала не хочешь? Кест мнется. Как многие. А я предпочитаю для начала влюбиться. Но в кого? Первое свидание у меня случилось в двенадцать. В голосистом южном дворике под вечер к мамик у обратился молодой человек. Он обитает в домике напротив квартиры наших хозяйшек. Я, любопытничая, высунулась из окна. Но разговора слышно не было. Молодой человек мамик у в сыновья годится. «Ну, мамик дает!» – пронеслось во мне. К себе незнакомца я даже примерить не могла: высокий атлет и лицо, как на античной медали. Но оказалось, разговор шел обо мне. Мамик честно призналась, что дочь ее на дискотеки не ходит, но пригласить ее на вечернюю прогулку было бы совсем не плохо. Отпуская нас на прогулку, она упомянула нечто, связанное с героями Толстого. Мол, Наташу Ростову открыл князь Болконский. Я-то совсем ошалела, мало, что ему восемнадцать, он еще и окончил первый курс Одесского универа.

А я-то! Слава Богу, какой класс я закончила, он не спросил. А окончила я – пятый, и готова была врать, хотя до этого такой необходимости не было. Понятно, я комплексовала и раньше. Из-за проблем со зрением – пошла в школу в восемь. Училась по спецпрограмме и четвертый класс не пропускала. Называя класс, я чувствовала себя малолеткой и имела много огорчений из-за снисходительности сверстников. Прогулка наша затянулась. Он знал и любил все уголки древнего города, города своего детства. Потом мы сидели у моря. Там, где оно вне каменных оков. Ноги от долгой прогулки гудели. Так что я не сразу включилась в созерцание. Совершенное. Полной луны, бликов мирной бесконечной глади... Наш временный сосед уезжал на следующий день. Мамик сфотографировала нас вдвоем под виноградной лозой наших хозяюшек. От той поры у меня остались фотография и письмо, пришедшее точно в день моего тринадцатилетия. Влюбиться я не успела, два года шла дружеская переписка по электронке. Потом она как-то увяла. Увидеться больше нам не довелось... Только происшествие это дало серьезнейшие плоды. Я, не откладывая, одолела «Войну и мир» и еще поняла – если молчать – сойдешь за ровню... Когда даже бледная немочь – Юлька завела парня, я себе сказала – «не будь дурой, хватит выпендриваться». Потенциальный парень был отобран по фотке. В натуре он, пожалуй, оказался мелковат, но я и так забракела с десятком претендентов телефонной службы знакомств. И пошла тягомотина. Коля (на сей раз обошлось без «ников», к компу у парня отношение оказалось прохладное) приезжал по понедельникам под вечер. С розой и брикетом мороженого. Мороженое мы потребляли с мамиком по его убытии, по-моему, он сладкого не любил. Любил и потреблял Коля сверх меры пиво. Вышло это ему боком. Коля старше на год, мне было шестнадцать. Размеренность посещений получившего, в конце концов, отставку объяснялась совмещением учебы с работой, денежной и тяжелой. Коля уже распланировал будущее, на меня имелись серьезные виды. Короче, мне светил домострой. Даже мое нежелание целоваться было воспринято в плюс – не свистушка. Мне даже смешно не было – давила ответственность. Отделалась я малой кровью и ничтожным враньем. Застукали нас на скамеечке Щукинского парка с банками пива. Моя была первой и почти полной, его – третьей и полупустой. Если честно, надо

было делать ноги, сержант вряд ли имел право применять оружие. Но мы потащились за сержантом через толпы у метро и автобусных остановок. Я до сих пор не могу понять, как не сбросила в урну свою банку, предъявленную мамик уличкой. Мамик, вызванная в отделение по телефону, состроила серьезную мину. Ей прочли лекцию о пивном алкоголизме и предложили подписать кучу бумажек. По окончании формальностей я получала свободу. С Колей же было сложнее. Во-первых, он оказался подмосковным жителем, во-вторых, милицейские тетки утверждали, что подросток пьян. Мамик их мнения не разделяла и просила взять дочкиного приятеля на поруки. И понеслось. Известно – своих не сдают. Мамик дошла до зама начальника. Вот уж кто был нетрезв и мало вменяем. Вызвали скорую – везти несовершеннолетнего в детскую больницу. Отыгрался за нас славный лысый дядька – врач скорой помощи. Он им все высказал. Зам начальника быстренько заткнулся и слинял. Но у врача не было времени разобраться и с тетками, его ждали больные. Вызвали вторую скорую, и мамик опустила руки. Телефонный звонок раздался сразу по нашему приходу домой. Коля обрел свободу ценой в столик. В последовавший за происшествием понедельник я наврала Коле, что родители не могут мне простить позора с милицией. Он понял и ушел понурий. Я не знала, что делать с розой и мороженым, но возвращение даров вряд ли бы его утешило. В семейных преданиях с отцовской стороны присутствует «великая любовь». Я – плод «великой любви» – это тебе не кот начхал. Папа, следуя традиции, сказал маме – «будешь моей женой» и добился ее «великой любви». А потом была измена. «Великую любовь» измена убивает. Хочу ли я «великой любви»? От такой дочери, как я, точно не отказалась бы, только прежде... Хотелось бы сына. У дочери мамиковой приятельницы, ей двадцать, есть и сын, и дочь, а муж – славный, но...

С периодичностью в полгода я оказываюсь у них с мамиковым поручением – ее приятельницы нет в Москве, и надо срочно залатать бюджетную дырку юной семьи. Малыши светленькие, в юную мамашу, кидаются на меня, целуют, и внутри что-то тает, как карамелька, засунутая в рот щедрой липкой ручонкой. Их родители, в отличие от меня, не слишком парились. Встретились мальчишка с девчонкой из соседствующих многодетных семей, потянулись

друг к другу, родился Андрюшка, через год – Манечка, прошлым месяцем сыграли свадьбу, считай – молодожены. Возвращаюсь я из Бирюлева задумчивой, потом встряхиваюсь, подсаживаюсь к компу. Читаю фанфики, пишу в их стиле сама, сочиняю логотип к очередному творимому сайту. Отвертка мне привычной иглы. Есть заманчивое предложение вести онлайн-отчет о футбольном матче любимой команды из Лужников. Так что милые мордашки малышей уплывают из памяти до следующего визита в Бирюлево.

xxx

Сколько раз замечала: стоит подняться настроению, и тут же найдется кто-то, стремящийся его опустить. Что же, вечно быть настороже?! Черта с два!

Обычно они ходят по двое, с объемной сумкой в отечной руке и отрепетированной елейной улыбкой. На них либо объемные вязаные кофты, либо обтертые пуховики – по сезону. Тетка движется, смотря прямо на меня, и я решаю сыграть в пай-девочку. Торможу, поднимаю очки, опускаю наушники. Я сегодня добрая, а то бы ты наоралась. Честно, мне ее жалко: совсем тухлый номер – подходить к столь демонстративно отгороженной от посторонних. – Как вы полагаете, кто создал все это? – Тетка картинно поводит рукой в сторону художественного салона. Безумная имеет в виду открыть мне за пару минут основы мироздания. «Оп-па», – проносится во мне, подобный вопросик не так давно озвучил академик-астрофизик из круга мамиковых друзей. Подоплека была, правда, другая. Престарелые астрофизики не слишком часто общаются с благовоспитанными симпатичными девочками. Как не попасть в затруднение в выборе тем для беседы. Улыбаюсь, молчу, жду продолжения, а тетка уже шуршит в безразмерной сумке. На свет извлекается безукоризненно кичевый глянец брошюры. Свидетельница Иеговы протягивает мне брошюру и отпускает с миром. Ни тетки, ни астрофизики в моих ответах не нуждаются. А зря! Кто их на пенсии кормить будет? Возвращаю на место свою экипировку и бреду к родному подъезду. Опускаю рекламу духовного в урну и достаю ключи. Вечно я парюсь из-за пустяков. Что мне эти посторонние, не требующие ответа вопросы? А я над ними зависаю, над этими вопросиками, они меня из

колеи выбивают, внутри живут и бьют изнутри, требуют выпустить и добиться смысла. С чем я живу, для чего, не сегодня, не сейчас... Маму я огорошиваю просьбой отыскать на полках Библию. Ладно, тетки, так и быть, приставайте со своими вопросами...

xxxx

Обнаружив на моей плоской грудке отсутствие крестика, пляжные приятельницы выносили приговор – она не крещеная. Опускали, можно сказать, ниже плинтуса. Со своей бедой я обращалась к мамике, даже несмыслёнышем понимала – к папе лучше не подступаться. Мои двоюродные лакские сестренки под одеждой носили амулеты на шнурах. Вопрос, однажды заданный, остался без ответа. А потом все-таки разрешился. В соседней служебной квартире появилась новая семья. Двое братьев были значительно старше, но не побрезговали подружиться с малышкой. Правда, иногда я могла принести пользу. Братья по очереди отправлялись в магазин на велосипеде. Я жалась на раму, гордо взирала с нее на подружек с нателёными крестами. Пока старший набирал продуктов, я сторожила велосипед. У подростков крестиков не было, они не достигли шестнадцати – возраста крещения баптистов. На том успокоение и пришло. В очередной раз вопрос о моем крещении возник в монастыре в антипасху.

В субботу, накануне первого воскресения после пасхи, я оказалась в примечательной компании. Мамик со своим любимым, его первая жена с теперешним мужем, пара дам, заинтригованных возможностью VIP-приема настоятельницей женского монастыря под Тверью, и мы с Евой – девочкой преклонных годов из боксеров. На пребывании в компании псины настоял не Миша, а мамик. Не разделенное с любимым существом приключение-удовольствие ее не устраивало. С тверского вокзала двинулись на трех машинах. Я оказалась отрезанной от близких, во власти торжествующего православия. На душевспасительные беседы кивала, но кожей чувствовала отсутствие под футболкой знака сопричастности. Я начала жалеть о поездке, но...

Те два дня – до сегодняшнего – помнятся мне в красках и запахах, в звуках и даже – вкусе. Счастливыми днями. В пути решено было несколько изменить маршрут. Доро-

га свернула к Мхам, к приходу, где матушкой была Мишина дочь от первого брака. Гостей провели в двухэтажный странноприимный дом. На первом этаже, за залом располагалась трапезная. Во главе долгого стола возвышался отец Фёдор, в торце, на табуретке – улыбчивая полная женщина. Я ошиблась, приняв ее за матушку Феодору. По пути мне втолковали, что к «сводной сестре» прилично обращаться только так.

Лавки по бокам стола оккупировала разновозрастная ребятня. Она сразу потеснилась, и наша компания приступила к еде. Вкуснейшей! На первое дали суп, густой от грибов, потом, в ту же миску, вытертую по примеру окружающих корочкой, положили пшеничную кашу с тыквой. Мамик округлила глаза, наблюдая мой аппетит. Под конец, к чаю подали два колеса пирогов с черникой и яблоками. Пироги оказались неслучайными. За столом присутствовали именинники. Дети выглядели по-разному, я сразу отделила городских от деревенских. По брендовой одежде. И точно, присутствовали дети спонсоров, называемых в приходе благодетелями. На выходные их привозили в приходскую школу, они даже ночевали на втором этаже странноприимного дома. По окончании трапезы присутствующие поднялись для благодарственной молитвы. Я исподтишка проследила за парнишкой напротив, опустила глаза и зашевелила губами. Слов, произносимых другими, я не знала, но мысленно, действительно, благодарила *того*, для меня – без имени, кто подарил мне и этот солнечный день, и это окружение, и счастливые, увлажнившиеся глаза мамика. В монастырь нам ехать выпадало по утрам, а теперь гостей повели наверх. Мне досталась комната на пару со сверстницей – дочкой благодетеля. Девочка, переступив порог комнатки, опустила дорожную сумку и перекрестилась на иконку в углу. Потом спросила, какую постель я предпочитаю, я ответила «на твое усмотрение», она улыбнулась «ты гостья». Мы поладили. Потом спустились вниз к Еве. Бедняга псина не могла рвануться навстречу родному человеку, безумную радость выражал недомерочный хвостик. Она уже отчаялась видеть любимых – вход в православный дом с собакой заказан. Не то, что сытым котьярам, дразнившим Еву недоступностью с высокого крыльца. Пришлось какое-то время вести ее на поводке. У дома священника Ева вновь была привязана, и опять вокруг бродили дерзкие

кошки. Я – кошатница – в знак солидарности не могла себе позволить погладить ни одну мурлыку. А хотелось. За оградой из будки вышла хозяйская чау-чау. Собаки обменялись гавом, и Ева наконец-то поняла, что деревенские порядки отличаются от городских: надо сидеть на привязи, а не гонять кошек. Тем более были получены миски – пить-есть. Матушка Феодора встретила нас с новой подружкой на пороге, троекратно поцеловала, не делая различий, и мы были допущены поахать над матушкиным младенчиком, потом попали в оборот к поповнам и были разлучены. Шустрая старшая моментально села мне на голову, подружку отвела к игрушкам тихая младшая. Но мы переглянулись и, при первом удобном случае, улизнули с подкрепившейся Евой. Лиза получила поводок, и до леска не выпускала его из рук. Дом священника мы с подружкой покинули рано, к хозяевам приехали на иномарках благодетели. Взрослые готовились к шашлыку. Лиза получила папин поцелуй, я – два – мамика и Миши. Стало ясно, что далее находиться со взрослыми неуместно, и мы пошли к странноприимному дому. Расходиться по комнатам никому не хотелось. Светлолицая хозяйка дома чинила постельное белье и рассказывала детям библейский сюжет. Лиза попросила работу, я присоединилась. Мне очень хотелось оставить в светлом доме свой след, пусть неумелой рукой. Потом рассказ прервался. Стояла необычная умиротворяющая тишина. Осторожно бочком ко мне подобрался дымчатый кот, и я утолила жажду пройтись ладонью по шелковой шкурке. Лиза тоже погладила кота. Наши руки встретились, и я ощутила радость пополам с грустью в предчувствии расставания с теплом дружеской руки и плеча. В нашей комнатке нас ждали чистейшие простыни. От них шел удивительный, незнакомый аромат. «Святости», – ответила моему безмолвному вопросу подружка. В утренней дороге к монастырю я оказалась в машине батюшки. Он тронул незаметную кнопочку, и мужские голоса аккапелло слились высоким древним звучанием с родным за оконным пейзажем. Монастырские белокаменные стены шестнадцатого века возвышались над небольшой речкой, взявшей их в петлю. Ворота, как и стены, отличались крепостью, были заперты. Я думала, как в них будут стучать, но раздался голос – молодой, запыхавшийся. Девушка во всем сером поспешно сообщила, что ей было «велено поглядывать» и вести гостей

прямо к настоятельнице. Та уже шла навстречу. Высокая, с бледным прекрасным лицом, мне казалось, что она смотрит прямо на меня, как бы выделяя. Я опустила глаза. На настоятельнице были грубые мужские ботинки, наверное, неудобные. Я столько раз слышала, что главное в привлекательности прикида дамы – обувь. Если взгляд матери Евпраксии вызывал доверие, то грубые башмаки – любовь. В монастыре могла найтись и крестильная рубашка, и серебряный крестик, а возможная крестная мать вызывала благоговение. Только креститься мне была не судьба. Помешало некое физиологическое обстоятельство, недавно проведенное грань между девочкой и девушкой. Мамик шепнула об этом настоятельнице, и та кивнула в согласии. Теперь радом с балхарскими фигурками на полке в моей комнате возвышается деревянная боярышня. Тонко вырезанная и расписанная авторской рукой. Кокошник русской красавицы – в мельчайших речных жемчуженках. Дар на память о ласке и тепле руки, не выпускающей четок...

ххххх

До пяти у меня куча времени. Есть не хочется. Я звоню Страту и договариваюсь о прогулке. Страт будет на велике, я – на фирменных спортивных роликах. Ролики после трехлетнего перерыва напрягают, и нужна поддержка, черт подери. Прежде чем выбрать маршрут, Страт делает пару снимков: сегодня вечером форум будет оповещен о моей экипировке: серо-черно-красной и о восстановлении приятельских отношений Страта со мной.

Дорога к бывшему причалу крута, я вцепляюсь в руль справа. Наконец, мы выбредаем на набережную, Страт седлает велик, я отцепляюсь, и мы обретаем движение. Весьма приличное, судя по показаниям счетчика километража. Асфальт отличный, ощутимых уклонов нет, и я могу отвлечься от тупого скольжения. Справа за металлическим забором в два моих роста – круча, тропки вверх еще не заросли, когда-то там я искала самую сладкую малину...

Слева, через водный рукав, Серебряный бор убран за забор деревянный, сплошной, зеленый. Сперва я радуюсь пустынности, но, минут через десять, чувствую себя в загоне. Словом, когда приходит решение возвращаться, я говорю Страту, что терпеть не могу возвращаться прежней до-

рогой. Теперь мы долго ползем вверх, мимо внушительной ограды владений объявленного совестью нации писателя и опять возникает чувство, что прорваться из очередного загона не удастся. Давно же я здесь не была. Я вычеркиваю сегодняшний маршрут из приемлемых, а послушный Страт оставляет седло. Вперед, прочь от загонов, осквернивших прежние впечатления, пусть останется воспоминание о буйстве сирени, дикой малине, доступности щербленых ступеней вечно реставрируемого храма красно-белого, нарышкинского стиля, в сумрачной прохладе его мне протянули самой вкусной освященной воды... Мы пересекаем следующий квартал поперек, и вот уже летим по аллее мимо обелиска... Возвращаюсь домой усталая, и опять не хочется есть. «Давай кумык-чай», – находится мамик. Чтобы отделить требуемое для двух чашек, вооружаюсь стамеской и молотком. Осталось не больше четверти крепко спрессованной плитки. Названия трав в ней я не знаю. Вскипает вода, я добавляю молоко, дожидаясь повторного кипения и наполняю пиалы. Нужного сыра в холодильнике не обнаруживается. Мамик ломает батон. В память лакских обычаев – сталь не должна касаться хлеба. Впрочем, батон в горах не водится – лепешки. Я предпочитаю добавить к подсоленному и перченому напитку мацу, оставшуюся с апреля. Мамик смеется и утверждает, что трапеза наша могла бы примирить никак не меньше трех конфессий. Я смеюсь вслед и представляю, как порадовала бы преподавателя этнопсихологии моя история, будь у нас на завтрак кумык-чай. Его мамик пила еще на БАМе. Это национальный напиток бурят. А они – буддисты. Лакцы, перенявшие обычай равнинных кумыков, чей быт схож с бурятским, понятное дело – мусульмане. Ну а маца – ритуальные опресноки иудеев. И я сразу вспоминаю осуждаемую папой мою нелюбовь к паукам. Мусульмане их почитают, поскольку убежище Пророка не было обнаружено врагами, благодаря пауку, затянувшему вход убежища паутиной. А у древних евреев к паукам отношение противоположное – если убить паука – снимался один грех. Смотрю на часы, восстанавливаю экипировку и устремляюсь опять на противоположный конец Москвы. На этот раз в районе ВДНХа.

На фотографию для первого паспорта мамик смотрела не отрываясь. «Сможешь увеличить?»

«Легко». Теперь она обрамлена, и ее место на кухне. Мамик проводит там большую часть времени. В кресле «ракушка», пережившем три реставрации и сильно нуждавшемся в четвертой. Напротив – «ракушка» моя, спиной к входной двери, когда я одна – я меняю диспозицию и, скосив глаз вправо и вверх на часы, невольно вижу эту фотку. Волосы – на прямой пробор, гладко причесаны и собраны в невидимый объективу хвост. Видны домашней вязки джемпер и деревянные бусы – ошейнички. Смотрю прямо, «бембиным», по выражению мамика, взглядом. От этого мультика у меня смутные воспоминания. Еще это взгляд (опять же мамиково мнение) Одри Хепберн. Уж ее-то я и не знала никогда. Так вот, фотка эта и сподвигла маму на неосуществившийся проект, от которого мне в пору было завить...

Накануне знакового похода, предполагавшего приступить к проекту, я до двух просидела в чате. И с утра выглядела «чучелка-чучелкой». Но встреча была заранее обговорена, и меня потащили к мамиковому давнему приятелю – фотохудожнику. В двух словах мамик обнаружила свой замысел, а мне было предложено открыть рот. Зубы никогда не были для меня проблемой.

– Так, хорошо, – вздохнул ее приятель. – Но, понимаешь ли... У меня в заказе сейчас табак. Твоей девочке – шестнадцать, увы.

Мамик потрясенно молчала. Мне стало понятно зачем, я с удовольствием озирала в утреннее зеркало круги под глазами.

Со стороны в наших с мамой отношениях все безоблачно, но многое меня напрягает.

В мамином кругу отчество как-то не обозначалось, когда это касается ее сверстников – ради Бога, но если она на «ты» с моими сверстниками – в пору взорваться. В детстве обращение к ней без отчества, да еще на «ты» меня просто бесило. Теперь-то я всякие эти отличия понимаю, даже принимаю и ношу как горб...

Интересно, что она будет петь потенциальным заказчикам соцрекламы. Старый друг ее не понял, принял за мечтающую сделать из дочери фотомодель. Мне ее идея

поперек горла. Но молчу, легче промолчать. Пару лет тому назад мы поздним вечером пили чай на нашей любимой кухне. Окно распахнуто, в него втекает запах сирени. И вдруг крик. Детский. «Помогите!». Мамик, теряя тапки, летит в прихожую, срывает с вешалки плащик. Так, в тапках и плащике на ночнушку, устремляется во двор. Я перебегаю в свою комнату и свешиваюсь из окна. Пытаюсь рассмотреть через листву происходящее внизу. Мне впору самой кричать от ужаса. Ну что она там может сделать – худенькая, слабыми своими руками. – Как ты могла?! – кричу я вернувшейся.

Мамик отстраняет обхватившие ее руки. Пристально, словно впервые, всматривается в мое лицо. Опять время как замерло. Наконец она проводит рукой по моим волосам от затылка ко лбу – жест не случайный – и, молча, ведет, обняв плечи, допивать чай. Позже, поцеловав перед сном, говорит:

– Знаешь, милый, ты скоро вырастешь, и я буду спокойно ждать твоего возвращения. Позднего. Я не буду упрекать тебя. В нашем дворе славные люди... Я там была не одна, и ничего страшного не случилось.

Потом она говорила, что если позволит себе быть равнодушной к чьей-то беде, она перестанет верить в неравнодушные других. Много чего говорила. Но я перестала воспринимать, и она уходит, потушив свет. Понемногу обида отпускала, но не ушла. Она – сильная и смелая, я – слабая и трусливая. И когда еще будут эти мои поздние возвращения...

У нее кроме домашних – любимый и друзья, проверенные годами. У меня – она и совсем беспомощная бабуля. Подруга Катя – человек надежный, но тоже слабенький, ее всегда защищала я, Катя моложе. Как же она, самый мой дорогой человек, не понимает меня. Мне невыносимо представить, что с ней может что-то случиться. Я жить без нее не буду! Она не имеет права рисковать, моя мама! Я вспоминаю отстраненный и прямой ее взгляд, считавающий мой гнев и обиду.

Мы часто говорили друг другу – «Я тебя люблю, но ты мне еще и нравишься». То есть «люблю» не за что-то, «люблю» безоговорочно. «Нравишься» – это за поступки. Я дорожу этим «нравишься». И она дорожит. Это я чувствую точно. И вот теперь я проверяю ночные события и не могу определиться, нравится ли мне мамиков поступок.

И вот теперь опять риск, уже мой, из-за ее фантазии с «проектом»... Он пришел ей в голову, когда я в сердцах бросила – «примкну к скинхедам, достали эти хачи». И услышала в ответ – «А ты кто?»...

Стоило взглянуть повнимательнее на список моего класса, и стало ясно, как его формировали. Имена фигурировали либо с сильным национальным уклоном, либо претенциозные. Мое имя оказалось самым экзотическим. А его я даже мысленно давно не произносила. В первый класс пошла с новым именем – задрознили во дворе. В Дагестане имя девочки выбирает мать. Когда папа регистрировал мое рождение, маму звонили и уточняли, согласна ли она на столь необычное имя дочери. – Почему? – спросила я ее однажды. – Почему ты согласилась? – Ты стала его любимицей и поэтому, – ответила мамик. Конечно, я тысячу раз слышала, что родилась от «великой любви», поэтому – умная и красивая. В раннем детстве я очень любила папу... Сейчас мне ясно – на мамиковом месте я бы за папу не вышла. Но родила бы от него ребенка? Попробуй ответить на такой вопрос... С момента развода до появления в мамиковой жизни второй «великой любви» я себя счастливой не чувствовала... Хотя, если быть честной, только временами... Мамик каждый раз договаривалась со школами. В документах фигурировало одно имя, в обращении другое. Я сама относила документы в экстернат, и маху дала, ничего не обговорила и получила по полной. За светлые волосы и глаза. От «Армин, Луиз, Диан» для начала из-за повышенного внимания парней. От «Зурабов и Магомедов» – по мере знакомства с моей строптивостью. В экстернат нас привели разные пути. Мне не терпелось покончить со школьной учебой, их – неумение прижиться в среде московских окраин. Доканала меня корбочка, из которой мне предложили щепоточку – нюхнуть. «Нис?» – ахнула мамик. «Не смести», – ответила я. На нюхательный табак, распространенный в Дагестане, порошок похож не был. По счастью, мучаться размышлениями, как поступить ни мне, ни маме, долго не пришлось, стукнул о наркотиках кто-то другой, я в это не вдавалась, но тройка пацанов из моего класса испарилась. Оставалось учиться, и я неплохо справлялась. В конце концов, оказалось, что лучше со мной отношения не портить – с учебой у нас в классе у большинства была напряженка. Но для начала пришлось закатить пару оплеух.

– Кто еще раз распустит руки, получит по полной! – озвучила я свою позицию. А маму прямо сказала – пойду в скины.

Честно говоря, скинхедов я в глаза не видела, разве что Костика... Мамин любимый поколесил по съемным квартирам. Все осложнялось и наличием Евы – собаки серьезной – от прежней семейной жизни. Квартиросдатчики собак не любили. В конце концов, приют нашелся в двухкомнатной коммуналке. Соседнюю десятиметровку снимала москвичка с двумя сыновьями и двумя же кошками. Наглые котяры оккупировали кухню и коридор. Деликатные Ева с Михаилом занимали великолепную солнечную комнату с балконом. Их жизненное пространство ни в какое сравнение не шло с соседским. В первое же посещение второго мамикова дома я познакомилась с Костиком – младшим из соседей, своим ровесником. Рядом, буквально в двух шагах – Лосиный остров – раздолье для прогулок. Визиты мои в начале осени стали регулярными. Одна с Евой я прогуливаться любила, но опасалась бродячих собак. Втроем – дело другое. Мы гордо выступали с нашей красавицей и болтали, о чем ни попада. Не сказать, что Костик мне приглянулся, но приятно было его внимание. Словом, мне нравилось нравиться. Только скоро пошли дожди, навалилась учеба, и поездки на Маленковку сошли на нет. В мое отсутствие Костик не прекратил прогулок с Евой. Вообще-то по мамикову мнению Костик оказался несколько трусоват, без собаки он вообще не гулял. Место их обитания раньше называлось Мазуткой и славилось отчаянной шпаной. Впрочем, мамик могла и ошибаться. Костик ездил в школу по прежнему месту жительства, а на Маленковке-Мазутке в пятнадцать не очень-то заведешь приятелей. Общение с Костиком теперь продолжалось только через мамика. В оба конца передавались приветы, а в один конец – вопрос: когда я приеду. К весне прекратились и приветы, и вопросы, и Костиковы прогулки с Евой. Костик прозрел. Мало того, что сосед оказался евреем – соответственно собака – «жидовской», он узнал о сомнительности моего происхождения и закричал маму «неправда!», а потом хлопнул дверью. Про себя я назвала его «придурком» и выкинула из головы. Тем не менее, с новым Костиком, вернее, с приметам его пребывания на Маленковке, столкнуться довелось. Уж не помнится, каким ветром меня

туда занесло. На кухне бушевала магнитола, рядом лежала кассета, я прочла название вкладыша – «Коловрат». Мало того, что слова о предпочтении арийской крови, для Михаила, сына орденосца – героя войны, не могли не быть оскорбительными, на соседском холодильнике присутствовала наклейка со стилизованной свастикой. «Какого черта вы такое терпите?!» – возмутилась я. Мамаик сперва пожалала плечами, потом пустилась в объяснение происхождений Костиковых комплексов. Ведь он вырван из привычных приемлемых условий, спит на полу. Ей, видите ли, жалко всю троицу – не имеют элементарного, жизненного пространства. Квартиру в центре мать семейства сдавала за хорошие деньги. Страдали все, правда, больше других доставалось младшему. «От того в семье и собачатся. Не ведает, что творит», – подытожила мамаик. Нет, на мамика можно просто диву даваться. Недаром ее любимый прозвал «Адвокатом Адвокатычем Адвокатовым». Для всего она ищет объяснения и тянется за корнями произошедшего, Бог знает, на какую глубину. По мне, важен результат. Доживу до мамиковых лет – тогда, возможно, и приму ее взгляды. А сейчас – увольте. Гад – он и есть гад, и рожают-ся от него – гаденыши. И я сказала, как думала.

– А ты вспомни прошлогодний лагерь, – закончила спор мамаик. В оздоровительных лагерях (мамаик бесконечно ошибается, называя их пионерскими) я оттрубила с восьми до пятнадцати. Были – получше, и совсем отвратные. Но по их поводу было принято жесткое решение: июль – лагерь, август – море. Мамаику море – что мне лагерь, отбывание при жаре и неумении плавать. Последние лагерные годы выдались вполне приличными. Их было три в одном и том же. Лагерь принадлежал крупному машиностроительному заводу, когда-то процветавшему. Оздоровительный лагерь тоже помнил лучшие годы, теперь от них остались лишь территория, да комфортабельные корпуса. Последний лагерный срок мне представлялся совсем приемлемым: фишка была в том, что старший отряд имел корпус с отличной по периметру верандой и душевыми внутри. Только губу я раскатала зря. Замечательный корпус достался гостям с севера. Мы с ребятами озирали недоступное, по меньшей мере, с завистью. На веранде объявилась новенькая плетеная мебель, поговаривали, что и внутри стало не хуже. Гости с Чукотки ели отдельно, новыми приборами, иное.

Окончательно классово-национальное сознание в старожилых пробудилось, когда в лагерь стали заезжать мобильные лавки. Никто старожилых от них не гонял, но мы започесывали затылки от тамошних цен. Зато гости сметали всё. Я там купила футболку с Эминемом. Разумеется, нам шепотом разъяснили, что путевки чукчам обошлись на порядок дороже, без них, этих чукчей, лагерь бы в сезон вообще не открылся. Честно скажу, благодарности к «новым чукчатам» я, как и прочие старожилы, не испытывала. В нашей среде они разделялись, часть из них получила прозвище – «гуки», так как являла славянский тип. Но общий настрой старожилых был однозначен – игнорировать полностью и тех и других. На дискотеке пригласить чукчу или гука никому и в голову не могло прийти. Я столь категорична не была, с гостями в принципе общалась. Кроме дискотеки. Там ни я, ни мои знакомые из чукчей и гуков своего приятельства не обнаруживали. Кому нужны проблемы? А вообще монголоидная раса мне нравится. Началось это с аниме. На компьютерном столе и придиванной полке у меня фигурки героев анимешек. На них я потратила кучу денег. Теперь из любимых – черно-белые статуэтки юношей с мечами, в традиционной японской одежде. Остальные – цветастые и, по мнению мамаика, ставшего и моим, аляповатые статуэтки, я, пожалуй, при случае закоблю. Много у меня и японской музыки, и игр с англоязычными титрами. Потихоньку учится японский язык. Вряд ли я дотяну одна до иероглифов, живую же речь начинаю понимать и сносно произношу целые фразы... В интернете, в котором, как известно, есть все, я обнаружила выкройки хакама и косоде – предметов костюма японского воина. На вертикальной подставке у окна до времени красуется японский меч – катана, разумеется, в сувенирном исполнении. Я уже договорилась о каспее – участии в ролевой игре. Это можно было бы назвать ребячеством, но я стараюсь узнать о Японии как можно больше, читаю обоих Мураками, болею загадкой Мисимы. Конечно, не плохо было бы начать с классиков, но в этих писателях есть нечто, задевающее меня. Определением этого «нечто» я пока не заморачиваюсь.

Так вот о мамиковом проекте, родившемся после моих слов «эти хачи» и «пойду в скины». Выглядеть он был должен примерно так:

Моя фотка, с «бембиным» и «Одри Хепберн» взглядом, а далее – вопросы:

- Дочь?
- Сестра?
- Невеста?

И ответ:

– Нет! Лицо кавказской национальности!

В виде пафосного плаката – на всеобщее обозрение.

Я не считаю, что образ Богоматери подходит мамикю. Это ваообще из другой оперыа, в конце концов, не она приносила в жертву своего Сына.

Но почему я должна взойти на эшафот во имя памяти отца и причастности к лакской нации...

По пути из студии фотохудожника я указала маме на стандартную афишу попсовой певицы не из последних. Лицо звезды украшали усики, глаза – уничтожены чем-то скребущим. – Ты хочешь, на первое, увидеть это, – спросила я и не смогла удержать слез.

Да, я боялась слепой ненависти толпы. Мама видела проект сверху и снаружи, защищенная опытом и принадлежностью к большинству. Я чувствовала опасность проекта для себя и не только это. Меня убивала его фальшь изнутри. Я не могла понять, как мама не видит нестыковок. Я не знала лакского языка. Папа, называя меня лачкой, лишь декларировал свое желание научить меня ему.

– Где мои лакские родственники, – кричала я в побледневшее, постаревшее лицо мамика, – у лакцев безотцовщина признается сиротством, лакская девушка должна находиться под крылом мужчины: отца, брата, дяди. Где мои дяди?! Ты уже год не можешь получить от папиных родственников свидетельство о его смерти, и я лишена пенсии. Мужскую заботу обо мне давно проявляет Миша. Он мне как отец. Второй отец! Первый – лакец, второй – еврей. А я чувствую себя русской. И не потому, что ты русская, я говорю по-русски, думаю по-русски. Я живу в моей любимой Москве.

Мама тоже заплакала и, хотя ее слезы были бессловесны, меня озарило – «великая любовь» не исчезает. Она может существовать даже вне того, кто зародил ее. Мама любила не просто человека, она сумела полюбить то, что его окружает, то, что ему дорого, его творческую сущность – ведь он настоящий поэт. И фактическое теперь ушло вместе

с обидой и болью. Мама продолжала творить первую свою «великую любовь», считывая ее черты во мне. Любя меня, она не могла не помнить любовь к лучшему в моем отце. Она продолжала любить не мужчину в ее продолжающейся жизни, но человека, подарившего ей ребенка, удивительный Дагестан, свое видение художника...

xxxxxxx

Сбор в школе вожатых не предполагал очередных занятий. Разгорелся конфликт, и требовалось прояснить его корни. К середине своего существования школа потеряла официальный статус, так как спонсоры умыли руки. Занятия перешли в уютную квартиру преподавателей – семейной пары сверстников, около сорока, но, главное, единомышленников. Они продолжали занятия на «гуманитарной основе». Это понятие из мамикова лексикона. По профессии мамик – юрист, но с выходом на пенсию практикует исключительно из альтруистических соображений. Дает разнообразные консультации и готовит в вузы бесплатно. Мишина поддержка позволяет ей это, тем более что в потребностях мы скромны.

О сборе сообщила Рита, давний мой оппонент, если не сказать – антипод. Друг другу мы не понравились с первого взгляда. Внешне я от девочек, а нас оказалось восемь из десяти слушателей, значительно отличалась и поведением и прикидом. Я давно отказалась от маски, а если ношу массу металлических аксессуаров, не значит, что я «металлист». Попробуй понять, кто я и с чем меня едят. Девочки выглядят скромнее, только претензий у них выше крыши. У нас двое парней. Один пришел со своей девушкой, второй – сам по себе. И получает в свой адрес бесконечные упреки в отсутствии должного поведения в девичьей среде. Уши вянут, когда без конца слышишь – «ну, Вася!». Он в ответе за слишком тяжелую сумку кого-то из девиц, за страх, вызванный поздним возвращением попутчицы и т.д. и т. п. Я претензий не имею, но Вася ко мне внимателен. Сначала я думала, что неприязнь Риты – ревнива. Потом она обвинила меня в том, что я из кожи лезла стать преподавательским любимчиком. Согласна, меня выделяют, но ведь это взаимное чувство. У меня уже были взрослые друзья, но они появлялись из мамикова окружения. Костя

с Мариной стали первыми в моей жизни взрослыми друзьями. Обида на Риту отпустила, когда мы проходили тест на доверие. Надо было встать на высокий табурет и спиной кинуться назад. Либо ты доверяешь дружеским рукам стоящих за твоей спиной, либо – отказываешься от теста. Я была среди «доверяющих», Рита от теста отказалась.

По телефону Рита сообщила, что большинство ребят недовольно тем, что школа не позаботилась о нашем устройстве вожатыми на работу в лагеря. По дороге я готовилась дать к отпор возмущенным и, как нельзя к стати, случилось разрешение.

По рассеянности, а может, по привычке, я сошла на «Баррикадной» и перешла на «кольцевую», времени было в обрез, и я решила доехать до «Комсомольской», а там с Ярославского вокзала до «Яузы» – на электричке. В вагоне я услышала объявление, приглашающее вожатых в оздоровительные лагеря РЖД. Выходит, проблем с трудоустройством в лагеря нет, а Костя с Мариной, занимаясь с нами, имеют в виду не абы какой лагерь, а авторский. «Это наши учителя, и смысл их учения в том, чтобы мы могли передать младшим опыт равноправия и партнерства, доверия и творчества», – додумывала я, подходя к знакомому подъезду...

xxxxxxx

Разумеется, отмазка у меня была. Но я кивнула и пошла к кафетерию...

Его возраст...

Ну, скажем, – после тридцатника и до сороковника. И дело не в том, что он вызвал у меня доверие. Я точно чувствовала – его доверие вызвала я... «Вы» у него было напряженное, и «ты» сказала ему я, как вдох и выдох – просто. Не для себя – для него... Если честно – впервые.

Он начал издалека, и это далекое несколько раз вривалось в рассказ, и было оно путанным. Ну и что?! Не сразу стало понятно, что он воевал. «Может, наемником, но, скорее, на Кавказе или в Афгане», – додумывала я.

Он говорил о чужих горах и чужом обычае, пожалуй, без осуждения – недоуменно. Временами его рассказ превращался для меня в видеоряд, в припоминавшиеся кадры из «Девятой роты» и «Живого»...

Я ни разу не отвела взгляда. А потом в паузу сказала, что я лачка по отцу. Что в горах была в детстве. Что высокогорный аул оживает в моей памяти благодаря русской маме. Теперь слушал он...

И, голову на отсечение, услышал.

О старых женщинах, всю жизнь согнутых пополам огромными охапками сена на плечах. О странных ножах-серпах в их земляных руках на покосах. Я помнила, в них же были миски с дарами. Нам приносили творог и простоквашу, часто – шампиньоны. В ауле их не ели. Наверное, грибы приносили самые бедные. Миски эти никогда не возвращались пустыми... Я вспомнила неподъемный для мамы заплечный кувшин у распахнутой двери темной нижней коморки. Когда-то зимой в ней выживали вдевятером. Папин домишко лепился по самому краю аула, и из распахнутой в яркий солнечный день двери виднелось изумрудное плато и дальние неописуемые горы. В заросшем бурьяном огорожке невыносимо пекло, но стоило отойти в тень дома и становилось холодно. Я вспомнила золотистое видение аула Медовый. Его жители были горцами, переселенными на равнинные чеченские земли, там и сгинули. Предприимчивые лакские мужчины отправлялись со скудной земли на отхожие промыслы, а добытые деньги вкладывали в неописуемой красоты дома на родине. В моей памяти они восставали по врезавшимся фрагментам. Лучше всех было лето, проведенное на заброшенной после войны ферме. Весной папа засеял три поля. Мое было маленькое – с горохом... Мамино поле было побольше, с морковкой и еще чем-то. На своем – папа посадил картошку. Быстро темнело. Мы сидели за столешницей, устроенной на подставах из кирпичных обломков. Слабо светила керосиновая лампа. Шум реки внизу, из ущелья. Таких звезд, как там, я больше никогда не видела. Я тоскую по невозможности увидеть их...

И – могилы отца... «Даст Бог – сбудется», – произнес он на прощание, и еще сказал: «Кому-то повезет с женой».

Я так и не поняла, кому сегодняшним вечером была нужнее встреча и разговор, потянувший воспоминания и осветивший через годы пониманием прошедшее. Одно знаю точно, друг друга мы услышали...

СЛУЧАЙНОСТИ – ЖИЗНИ УЗОРЫ

Нон фикшн

Это история любви, где трагическое переплетается со светлым... Необыкновенно...

Мама переключала телевизионные каналы и вдруг закричала:

– Соник, скорее, скорее! Смотри!

Я примчалась с кухни и увидела в телевизионной картинке лицо отца. Шел матч Португалия – Англия чемпионата Европы 2004 года. В капитане команды Луише Фигу, имя это я узнала позже, считывались родные черты. В мужественности лица и энергетической наполненности движений. Мне было пятнадцать, год назад трагически ушел из жизни отец – писатель, обликом и характером – горец. Надо ли говорить, что от телевизора меня было не оторвать, – от первого в моей жизни футбольного, и не только, переживания.

По окончании матча, как я тогда интуитивно почувствовала – великолепного, я стала футбольной фанаткой сборной Португалии. (Влюбилась в вид спорта, но прежде всего – в сборную Португалии.)

На книжной полке у изголовья постели, обрамленная, стоит фотография. На ней я с Криштиану Роналду. Вот только выражение его лица никак не соответствует поводу. Дежурной улыбки нет. Напряжение и тревога считываются...

На следующий день в важном матче со сборной России португальцы играли с траурными повязками. У Криштиану ночью умер отец...

Как психолог, я точно знаю насколько кодовые словечки, понятные только в замкнутой группе, эту группу спланивают. Я постаралась не пропускать ни одного матча сборной Португалии, благо Интернет позволяет находиться в любой точке планеты. Так вот, вскоре наиболее всех мне стал дорог Нуну Гомеш.

В русском языке «ну, ну», произнесенное с определенной интонацией, означает некое сомнение в сделанном или произнесенном, окрашенное иронией. Скоро в нашей семье к произнесению этого «ну, ну» стало добавляться «Гомеш» и вызывать вместо кислой мины либо смех, либо улыбку. Так что в семье нашей имя моего любимого фут-

болиста уже лет десять поминается частенько. Разумеется, такое не могло не остаться без последствий.

Счастлив, умеющий по-детски радоваться, благословен – способный такую радость дарить. 30 октября прошлого года я получила поздравление с днем рождения от любимого Нуну.

Но я забегая вперед...

Я полюбила футбол. Только невозможно любить игру и болеть исключительно за сборные, не стать болельщицей определенной команды. Я стала болеть за ЦСКА, по иронии судьбы, в тот же год сыгравшего с тремя именитыми португальскими клубами на пути к кубку УЕФА. А любимцами моими, в том числе, стали бразильцы Вагнер Лав и Даниэль Карвалью. Совсем недавно вновь вернувшийся в Россию Вагнер на днях давал интервью и я поняла его португальский.

Опять забегая...

Единственный раз я была на встрече команды ЦСКА с болельщиками лет семь тому назад, а абонемент на игры любимой команды, купленный в тот же год, остался практически неиспользованным. Увы, болею за любимую команду у телевизора, а чтобы отправится на ее тренировку, как я сделала, в свое время по приезде сборной Португалии, мне даже не приходит в голову. Еле терпят российские болельщики футбола одинокое женское присутствие. Словно им трудно поверить, что у девушки может быть именно к игре интерес...

Итак, остались в прошлом тинейджерские заморочки с фанатской символикой, огромный плюшевый конь в фанатском шарфике отправлен на антресоль, как прочее – шарфы, шапки, постеры. Закончен универ. Наступил год 2012 – год Чемпионата Европы по футболу, и я поняла, что теперь могу болеть за свою любимую команду уже на стадионе. Так я полетела во Львов.

В фанатском секторе Португалии было немногочисленно, и молодежи особенно не было видно. Тем не менее, ко мне подошли двое молодых португальцев. Попросили вместе сфотографироваться. Разговорились. Филиппе и Доминик были поражены, что я прилетела из Москвы на одни сутки, поддержать свою любимую команду. После победного матча Португальской сборной над Датской и вза-

имных поздравлений я удивила своих новых друзей и тем, что нормально разбираюсь в тонкостях игры. Мы обменялись мейлами, и я помчалась в аэропорт.

Второй матч проходил в Харькове. Было сразу ясно, что фанатские силы на трибунах не равны. Но как мы болели! Бой барабанов и вой свистков болельщиков Голландии сбивали наше дыхание, но мы держались. А еще нам придавало сил насмешливое отношение голландских болельщиков к португальским до матча. И опять Португалия оказалась впереди. И снова бессонная ночь в самолетах...

Случайности, случайности...

Спустя месяц мне выпадало лететь в командировку в Испанию. И невозможно было не воспользоваться близостью Португалии, и светил мне отпуск. Спасибо шефу – осуществлялась давняя мечта о Португалии. Я не раз была в Европе, но в группе коллег, с друзьями. Теперь же лететь предстояло одной, в незнакомую страну, на край Европы. Страшновато...

В аэропорту Лиссабона я налетела на высокого смуглого человека. Автоматически извинилась на английском, мне ответили с любезной улыбкой. Так я познакомилась с Зишаном. Он оказался представителем крупной туристической фирмы и руководил ее Пиренейским направлением. Сам влюбленный в Португалию индус Зишан оказался лучшим гидом из возможных. С момента этой встречи возникло во мне понимание – предчувствие крыла надо мной. Я ждала радости открытий и понимания в готовности полюбить удивительную эту древнюю землю, радушных ее хозяев. А еще я тоскую, если не удастся мне хоть раз в год быть на море. Здесь же – Океан. Могучая стихия, родившая отважных мореходов.

Лиссабон покоряет сразу. Стоит ли говорить о мгновенной влюбленности в солнечный трамвайчик, колесивший улочками в самом сердце старого города, он добрый друг путешественников, раскрывающий для них сказки в чудных изразцах на фасадах старого Лиссабона. Там плиты тротуаров в черном белом цвете являют рыб и цветы. А стоит свернуть к таверне, пусть совсем крошечной, – услышишь фаду. Теперь-то я понимаю, как в ней изливается душа, полная высоких стремлений, тогда же, не зная языка, я принимала красоту ее вне мысли, сопереживая ритму бьющего через край чувства.

Но времени в обрез, и вот полет на Мадейру.

Белоснежные облака подчеркивают небесную синеву, опускаешь взгляд – и внизу видишь ту же синь с буйством зелени берегового пояса. Стремись вглубь острова – и оказываешься в вечнозеленом миллионном лесу Лауриссилва. Не успев перевести дыхание, устремляешься к вершине Пику-Руйву. Там у твоих ног облака и весь остров. Сердце бьется не от страха – восторга...

И только мимолетно взгрустнешь, что дорогие тебе люди не видят этого чуда. Мимолетно, потому что ребята из твоего хостела охвачены тем же чувством, и прекрасно это единение, и для выражения его нет слов...

Не потому, что мы из разноязычных уголков планеты – слова слишком бледны, если ты не художник. Мы спускаемся уже другими – осозная себя детьми единого мира.

И вновь Лиссабон. И ты уже освоился и рад возможности общения. Ты уже спрашиваешь у бармена, оказавшегося бразильцем, про квас. И узнаешь о русском магазинчике. Ты угощаешь квасом, угощаешься ответной сангрией. А через год в Лиссабонском аэропорту твой друг Винисью встречает тебя. Разумеется, год вы общались по фейсбуку. Как и с Филипе, Домиником, Вашку, Марку...

Опять забегая вперед.

В первый свой приезд устремляюсь, конечно же, к Эштадью да Луж – стадиону именной португальской «Бенфики», к магазинчику с футбольной атрибутикой. Разумеется, с удовольствием там общаюсь (в Португалии все хорошо говорят на английском), и продавцы, узнав о пристрастиях россиянки, моментально организуют твой поход на матч «старичков» – команды Фигу, из той памятной сборной восьмилетней давности, уже не выступающих за сборную, завершивших карьеру, но продолжающих изредка выходить на футбольное поле...

И знакомцы с матча во Львове: Филиппе и Доминик примчались из Лейрии и устроили незабываемые каникулы...

Но вот июнь 2013. Друзья звали в Португалию на отборочный матч со сборной России, и я выкроила кусочек будущего отпуска. Летела и все думала, как быть – за какую сборную болеть. Тем более, что положение российской сборной было прочнее. Решила отнестись к матчу без фа-

натизма – кто лучше играет, на той стороне и мои симпатии. И опять вмешался случай...

Меня должны были повести на матч Филиппе с Домиником, а сразу после матча забрать в свою «малую родину».

И вот сижу я на чемодане у стадиона на условленном месте и слезами обливаюсь. Уж таков темперамент. Кстати – близкий к португальскому.

Матч уже начался, по буре эмоций вокруг соображаю, что в российские ворота забит гол, а моих друзей нет, как нет. И тут меня спрашивают – не говорю ли я по-русски, и чем можно помочь такому горю. А в голове-то у меня как застряло – «я летела за 4500 километров, а вам сто пятьдесят – трудно осилить».

Узнав о моей беде Юра, предложил деньги на билет. Но я залилась еще пуще – да Бог с ним, матчем этим, я друзей должна дожидаться и готова не сходить с места до последнего. Юра потребовал телефон и сделал то, что должна была сделать я – выяснить, что ребята попали в пробку. Вскоре примчался Филиппе, вручил мне и билет и крикнул «Иди!», указав пальцем на стадион. Сами же ребята успели лишь к финалу, припарковать машины было просто нереально...

В последний свой приезд я общалась с друзьями на португальском. Именно с друзьями, а не знакомцами. Не только из-за постоянного общения в течение года по интернету. Мои друзья подарили мне новое видение мира, отличную, но удивительно близкую душе моей культуру. В Португалии я чувствовала себя свободной и открытой миру. А еще мне очень нравятся португальские мужчины. Они, конечно, – мачо. Но без перебора, какой иногда встретишь у испанцев и итальянцев. Впрочем, это из теории, пока я, увы, не влюблена и воспринимаю друзей моих – братьями...

Проблема молодых – внутреннее одиночество. Его не преодолеть на тусовках, в компаниях, собирающихся из не умеющих побыть наедине с самим собой людей.

Друзья мои, разбросанные по свету от Белоруссии до Нью-Йорка. Вы живете во мне, разделили со мной радость открытий и приобщения к прекрасному. Я буду думать о вас, в меру способностей писать о вас. И пока потребность моя в этом жива – вы не одиноки. Это – вне обстоятельств, вне личных перипетий судьбы.

– Хён*?

Хотелось ответить: «А кто же еще, жирная ты корова!», но она ограничилась неопределенным хмыканьем, тем более, что торопилась.

Лера приплясывала по комнате, чертыхаясь, – джинсы после стирки еле натягивались, – и злилась на ноющую в трубке подругу. «Ну забыла я про ее идиотский день рождения, забыла про свое обещание... Ну, ведь бывает!» Оставалось прервать бывшую закадычную.

– Да помню я, помню, но замotalась. Нет! Нет и нет! Не смогу я!

И отключилась. Совсем. Вернее, надолго – чтобы та перестала наконец доставать. «Подумаешь – день рождения... Улыбаемся и машем. Плюем и игнорируем». – Известная фраза была удачно изменена под влиянием обстоятельств. – Как всегда позовет своих друзей в количестве трех подруг и одного прыщавого очкарика. Собираются с постными мордами, сперва – чмоки-чмоки, а потом – подколы и заливание неслучившегося без меры дешевым игристым вином. Под конец – слезы. Короче – с нее хватит!»

Уже на пороге полезла в кошелек, и точно – денег там было не густо. Оставалось пилить в заляпанных кедах в комнату. Лера огрызнулась на бабкино замечание, и дверь по-хамски хлопнула. И ведь из-за таких мелочей черти что выходит... Так оказалось позже...

За турникетом – контролер с подозрительной рожей. Хотела бы уесть – да не за что, лишь губу узкую, криво накрашенную, кривит. Старая неудачница. Пришлось билет мимо урны кинуть – как к нам, так и к вам...

В вагоне тоже лупились – но это уж в кайф! Посмотрелась в темное вагонное стекло. В нем, как в зеркале, увидела двухцветный хаер, белый с рыжим, а справа, от виска и вниз – выстриженный машинкой колючий газончик, как она сама ласково называла, «плешку». Любуйтесь, серенькие. В метро она обычно не читала и айфоном не вертела. Не перед кем. Расслабила спину, вытянула ноги. Предчувствие тусы, где она не из последних, – грело.

* Хен – обращение к старшему в корейском языке (муж.) в русской транскрипции.

Но на «Белорусской» вышел облом – поезд дальше не шел. Оставалось выйти, сожалея, что дальше придется стоять и наблюдать, как дежурная долго трясла какого-то длинного мужика во всем черном. Как скоро выяснилось – бомжа. И ведь давала зарок – в последний вагон, тем более на кольцевой – не садиться, в нем всякие уроды на кольцевой отсыпаются. Нет, – давняя московская привычка – выгадывать не по минутам – по секундам.

Черный мужик шел по вагону, и от него воротили нос все, только не она. Не то чтобы ей было совсем все равно, но такую профессию выбрала, что всякого нанюхаешься. Профессия откладывает отпечаток. А вы, благополученькие, смердящего мешка с полуживой от смертного ужаса домашней живностью не нюхали?! То-то! За укольчик, которым на тот свет питомца отправляют по-человечески, платить надо. У кого-то денег нет, а кто-то просто тратиться не любит... По началу Лера сама платила... Добренький такой Айболит была. Коллеги смотрели на нее, как на юридую... но периодически забегали с воплями «Как кастрировать хорька!? Надо ведь что-то зашивать, ты же умеешь, да?!»...

У входа в клуб мельтешили разные, в основном те, что не в теме. Вечеринки с корейской тематикой устраивались в местах не пафосных, со своей постоянной публикой, которой корейская музыка даром не нужна.

Тем не менее, были и сомневающиеся, зайти или не зайти – может, приколом какой выйдет. И кучка малолеток, которых без паспорта не пускали, а в паспорте нужных для прохода циферок еще не было.

В гардеробе она обнаружила своих. Включилась в гомон, похлопывания, обнимания. Основной контингент таких вечеринок – девчонки – фанатки корейских групп и мальчиков корейцев. Мальчики-корейцы, даже те, что с лишним весом, чувствовали здесь себя королями. Она сама к ним из-за этого не подходила, общалась, если кто-то познакомит. Гордая, блин...

И пошла в круг, и задвигалась в еле освещенном пространстве, ни капли не сожалея о тесноте – среди своих же. И то, что у диджея требовали Пси, не раздражало. Недавний любимчик западной толпы, подхватившей его пародию на всадника, был толстым, а ей в корейских мальчиках

нравилась тонкость, особая хрупкость. Она была фанаткой группы «Супер Джуниор» и выделяла в ней Реука.

После третьего коктейля стало совсем хорошо. Ее окликали: «привет, Хён!», «как дела, подруга?», «давно здесь?», «Хьюн А не видела?». Она кивала, поднимала большой палец, потряхивала хаером и двигалась, двигалась в такт знакомым и все же ни о чем не говорящим ей песенкам, в привычном, своем кругу, пока не почувствовала, что ее тянут за рукав, обращаясь неизвестным «ником». Малолетку она видела впервые и попыталась стряхнуть навязчивую ручонку. Но не тут-то было.

– Купи пива, семпай*, – нахально потребовала уже захорошевшая мелкота.

Надо было сказать «отвали», но черт ее дернул высказаться о возрасте приставалы.

– Да ладно, тебе жмотничать, – не смутилась та. – Я не задаром хочу, отработаю, хоть здесь, хоть у тебя дома. Только учти, поедем на такси.

Разумеется, на вечеринках в таких клубах и всякая местная сволота кучковалась, и главным ее интересом было выпить на халяву, но раньше к ней такие не подваливали. Теперь уже было поздно отделаться простым «отвали». С сученком этим вообще нельзя было начинать разговаривать. Она стала прорываться к гардеробу, но малолетка следовала за ней, вцепившись в сумку, и орала: «стой!». Пара шапочных знакомых обернулась на ор, кто-то хихикнул. Выходил скандал. Она саданула по руке скандалистки, освободила сумку. И вдруг точно поняла, что пора сваливать. Девчонка могла быть не так проста и, скорее всего, не случайно за нее зацепилась, а охранники, явно из местных, могли быть заинтересованной стороной – не просто же так ее пропустили.

Она пулей вылетела из клуба, тормознула кстати подвернувшегося левака и, обернувшись, через заднее стекло видела, как из покинутых ею дверей вывалились двое крепышей охранников.

Хоть перекрестись. Ей бы следовало успокоиться, только она все больше злилась. Открыв дверь в квартиру, наткнулась на поджидавшего Тукки, чертыхнулась и неслабо

* Семпай – обращение к старшему в японском языке (муж.) в русской транскрипции.

пнула любимого пса. Тот, разумеется, взвыл. На песий вопль выскочил отец. И понеслось: «ты знаешь который час?!», «бабушке хамишь», «хочешь, чтоб твоя овчара на нас стала кидаться?!». Разумеется, вопросы ответов не предполагали. Лера ответила, как получилось:

– Да пошел ты!

Отец заорал:

– Вон! С меня довольно! Отправляйся по месту прописки!

Дочь выскочила на площадку, громыхнула дверь. В голове крутилось одно – «предатель!».

Далеко идти не требовалось – мать жила в том же дворе.

Она жала и жала на кнопку звонка. Когда раздался ненавистный голос: «кто там?», ответила – «глаза разуй!». Мамашин сожитель сощурился и безобразно громко захохотал:

– Ты чего с собой наделала?! Мать, ты посмотри, что она на башке своей наворотила, ну и уродина!

И тогда она замахнулась – врезать по бледной, словно непропеченный блин, плоской морде. Только получилось слабовато, мужик увернулся и врезал ей.

Лера сползла спиной по двери, снизу смотрела на проявившуюся мать. Тонко, почти беззвучно завсхлипывавшую. Отметила ее несвежую, мятую ночнушку. Под ней угадывались тяжело обвисшая грудь, выпирающий живот. Привычное – «незаступница», промелькнуло и не озвучилось, встав в горле комом тоски и брезгливой жалости. Оставалось нащупать за спиной ручку двери, повернуть ее и отступить, не спуская взгляда с этих двоих.

В круглосуточном знакомая продавщица, владелица двортерьера Кузьки, отпустила ей пива, денег хватило на одну бутылку. Она медленно выцедила ее и запустила порожнюю посудину в сторону мусорки. На звон разбитого стекла отозвался урчанием полицейский уазик. Вышедший из машины оглядел ее, и что-то ему явно не понравилось. Так Лера оказалась в полицейском участке. Казенный человек с двумя малыми звездами на погоне в казенном неуютном помещении спросил документы. Паспорт был с ней. Полицейский начал заполнять казенную бумагу, списал наличествующие данные, затем спросил про место работы. Она ответила. Опрашивающий оторвался от бумаги, спросил «кем?» и, услышав ответ, вдруг улыбнулся. И стало по-

нятно, что будет у него к ней просьба, а протокола не будет. А еще – что в городе этом многие любят животных больше людей. Или жалеют. В тяжелом для жизни городе Москве...

Полицейский несколько замялся, но все же спросил:

– Кто же это вас так, Валерия Анатольевна? Может, помочь надо?

Она отрицательно качнула головой и поняла, что фингал ей поставили неслабый. Оставалось брести домой.

Очень тихо она вошла в переднюю. Все простивший Тукки проследовал за ней на кухню, дождался пока она опустится на табурет, и пристроил узкую морду на хозяйкин тапочек. Конечно, он заслуживал вкусного кусочка. Валерия перевела взгляд на холодильник. Переднюю стенку его отец называл кладбищем воспоминаний. Билеты, оставшиеся от посещений концертов любимых групп, поездок за ними по стране и за рубежом, крепились магнитиками. Подумалось, что магнитики, действительно, похожи на надгробные памятники. Валерия мягко отстранила пса, достала ветчину и побаловала друга хорошим ломтем. Потом поискала пустой пакет и, найдя, бережно опустила в него давно собираемые магнитики-билетики-фотографии, еще не определившись с местом его хранения.

Она долго не могла уснуть, утро ожидалось трудным. Из-за зазеленевшего синяка, чужеродности сослуживцев.

Выйдя из подсобки ветклиники, служившей в том числе гардеробом, Валерия помедлила, чтобы застегнуть халат и поплотнее надвинуть медицинскую шапочку. Задерживаться в подсобке под прицелом любопытствующих глаз коллег она не любила и раньше. Замешкалась и услышала ожидаемое:

– Черные очки – это что-то новенькое.

– Какое новенькое? Старо, как мир. Фингал получила, вот и шифруется.

– Да ладно тебе, у нее и мужика-то нет.

– Точно я тебе говорю – навесили ей.

– Да кто навесить мог чудиле этой, у кого на нее встанет?

– Хватит, девочки, оставьте убогую в покое.

Валерия Анатольевна – несостоятельный ветеринар двадцати восьми лет, ныне – хозяйка аптечного киоска, – поправила темные очки и двинулась к себе, прятать давние обиды и боли за аптечным стеклом.

ВЕЗУНЧИКИ – НЕВЕЗУНЧИКИ

Елена уже второй час дожидалась очереди войти в кабинет своего терапевта – закрыть больничный. Поколебавшись, она набрала номер приятельницы, работавшей в том же детском саду, но не логопедом, а воспитательницей. Объяснив ситуацию, просила передать, «если спросят», что на работу все же придет. Когда заветная дверь уже была близка, проявились пациенты с талонами на прием. Судя по темпам движения очереди, ждать предстояло еще не менее часа. За окном темнело, и Елена решила на мизерное жульничество, вновь позвонила приятельнице – попросить включить свет в своем кабинете. Выходя из поликлиники, Елена поскользнулась, избежала падения, но пустячным этим обстоятельством расстроилась до слез. На гололед она ступила из-за погруженности в мысленный диалог с заведующей. Пыталась еще раз объяснить, что сколько родителям ни говори, те водить к ней заболевших детей не перестают, и второй больничный за три месяца ей и самой брать было совестно, но как же можно не брать, если нельзя логопеду работать в медицинской маске. И так далее и тому подобное, в ответ на укоры, бессмысленные и напрасные.

В это время Эмма Стеценко – администратор дамского клуба «Жизнь удалась» – осторожно подруливала к нерегулируемому пешеходному переходу в мало знакомом спальном районе. Это и помогло избежать больших неприятностей. Из-за грязно-серого сугроба на проезжую часть вышла молодая женщина в пуховике того же цвета, что и сугроб. Бампер «Фольксвагена» задел недотепу по касательной, но та все же отлетела на тротуар, прямиком к ногам осматрительного старичья, перед переходом медлившего. Эмма во избежание скандала быстренько выскочила из машины, обогнула ее, подала руку недотепе, помогая встать.

– Ничего страшного, – обратилась она к зашумевшим старикам, – сейчас я отвезу девушку в поликлинику.

Она усадила Елену в машину и скоренько покинула место происшествия.

– Не надо в поликлинику, – произнес слабый голос, и Эмма стала свидетельницей града слез потерпевшей. Ма-

шина тормознула, Эмма достала бумажный носовой платок и протянула плаксе.

Надо сказать, что и водитель, и ее неожиданная пассажирка имели в виду абсолютно разные клиники. Эмма – хорошо знакомую – частную, где за нормальные деньги можно получить полное себе оправдание в случившемся; Анна – обычную районную, из которой только что выбралась.

И тут Эмму осенило – из неприятного положения можно выбраться вообще без потерь. На незнакомую улицу администратор попала на пути к Рублевке. В ее сумке, помимо прочего, лежали конверты с приглашениями для вип-персон на тренинг известного психотерапевта. Персоны на приглашения отзывались не часто, так что одним пожертвовать не составляло труда. Эмма достала атласистый конверт, протянула его пассажирке и томно произнесла:

– Я вижу, что вы сейчас в шоке, но и до случившегося у вас имелся сильный, длительный стресс, иначе вы бы дошли до перехода и огляделись. Нет, нет – я вас не виню, хочу помочь. Здесь приглашение.

Елена осторожно приняла конверт. На лицевой его стороне готическим шрифтом было выведено безадресное – «Уважаемой госпоже». С госпожой она себя соотнести никак не могла и стушеввалась. И вообще – не надсмехается ли над ней эта яркая уверенная в себе женщина. Эмма видела перед собой лохушку, из тех, что ни из какой ситуации для себя выгоду не поймут и прилив великодушия к ней, может впервые, захлестнул женщину.

– Не вздумайте, отказаться. Разумеется, тренинг не из дешевых, но я могу себе позволить помочь вам. Не лишайте меня этого удовольствия.

Елена поспешила заверить хозяйку машины и положения в благодарности, говорить более было не о чем, и они расстались. Эмма двинулась по направлению к МКАД, а Елена – к дому, заметно прихрамывая, коленкой она все-таки к бордюрному камню приложилась не слабо.

В течение трех дней, остававшихся до даты, указанной в приглашении, Елена не раз доставала его, перечитывала название тренинга – «Сценарий личного будущего» и соображала, как не попасть впросак. Во-первых – стоит ли идти? Определившись с первым – во что одеться? И, наконец, – под каким предлогом отпроситься с работы порань-

ше? Нужны полчаса, что бы ни в коем случае не опоздать. Однако все сложилось. Ровно в шесть Елена переступила порог симпатичного особняка недалеко от Арбата. Она протянула заранее извлеченное из конверта приглашение и пожилой мужчина в строгом костюме кивнул и указал направление. В среднего размера зале было немногочисленно. Позже публика подтянулась и, когда обслуга стала вносить недостающие стулья, Елена порадовалась, что пришла пораньше и никого не озаботила. Она радовалась, что никому здесь не знакома, что одета в темное, не привлекающее внимание, платье, что хватило ума отказаться от бижутерии и дареных арабских духов. Вскоре у первых рядов объявилась дама в длинном синем платье, она поздоровалась сперва со всеми, потом – выделяя тех, чье присутствие ей было особенно приятно, и предложила поприветствовать сегодняшнего гостя их гостиней. Елена присоединилась к аплодирующим и сразу узнала по телевизионной картинке молодого человека с приятной улыбкой человека, представленного психотерапевтом с упоминанием многочисленных его регалий. Зал, заполненный дамами, узнавшими телевизионного персонажа, с каждой минутой все больше оживлялся и проаплодировал даже ассистентке, молодой и длинноногой, в мини, сразу отошедшей к круглому столику с демонстрационным материалом.

Елена собиралась конспектировать, но обстановка оказалась не та – легкая, с оттенком интимности. Оставалось, согласно предложению выступающего – «расслабиться и погрузиться в комфортную атмосферу благополучия и взаимной доброжелательности».

Залу было для начала предложено ознакомиться с тремя установками личности: на удачу, на средний результат и невезение. Каждая из установок в свою очередь предполагала три уровня. Тренер после каждого утверждения предлагал залу примерить на себя различные роли. Елене было забавно услышать, что наивысшая категория удачника – «принц», а крайняя позиция неудачника – «лягушка». Когда же тренер определил слабого середняка как «коекакера», а среднего – как «покрайнемерщика», зал дружно рассмеялся. Легкость и светскость приемов в психотерапевте сочеталась с тонким артистизмом, о чем свидетельствовала и сиреневая бабочка в тон серебристо-серому костюму.

Описывая переходы от одного типа личности к другому, тренер сыпал шутивными примерами. Вскоре Елена заметно утешилась осознанием того, как легко можно перейти из категории неудачника в крепкого середняка – малоудачника. От этой позиции к хрупкой удачливости уже можно прокладывать мостик. И, как оказалось, не без помощи...

Удачно занятое место – прямо напротив тренера, полное к нему внимание не остались незамеченными. Однако, провести экспресс-тестирование предложено было не ей. Только полная дама, украдкой скинув туфли на непомерном каблуке, от обсуждения своих проблем отказалась. Она заявила, что имеет персонального психоаналитика.

– Что ж, примем во внимание продвинутость присутствующих, члены клуба, судя по его названию, не могут не иметь высокой самооценки, а уж по банку «поглаживаний», и не только в области косметологии, – тут он тонко улыбнулся – равных вам нет. А вот вы, барышня, не согласились бы на помощь мою и помощь зала?

Елена не сразу поняла, что обращаются к ней. Она зарделась и встала. Ей рукоплескали. «А почему бы и нет?»

– Итак, я буду задавать вопросы, совсем безобидные, не бойтесь. Если уклонитесь от ответа – не беда. А зал мне будет помогать. Согласны?

Елена кивнула, прошептала «да», прочие же воодушевились, кому-то предстоящее показалось забавным, многие же не могли обойтись без возможности учить жить.

– Для начала хочу вас поздравить, – продолжил тренер, – вы попали на нашу встречу и оказались в кругу удачливых. Второй плюс – не побоялись публичности, что всегда рискованно. И, наконец, вызвали у прочих симпатию и желание помочь, ваша скромность, юность вызывают положительные эмоции.

Преступаем к вопросам. Начинаю я, когда исчерпаю свое любопытство, подключается зал. Согласны?

Вокруг одобрительно зашумели и экспресс-тестирование Елены началось. Скоро достоянием присутствующих стало: «молодой специалист с красным дипломом», «не замужем», «детей нет», «с молодым человеком не встречается», «живет с мамой», «коренная москвичка», «зарплата скромная», «за границей не была», «нечасто пользуется косметикой и духами», и прочее и тому подобное.

– Подытожим, милые дамы, – пропел психотерапевт, – милая девушка точно определила себя крепким середняком. А у нас в психотерапии принято считать таких «золотой серединой» общества. Они день ото дня несут свою ношу, немного при этом выигрывая, но не очень проигрывая. Такие не поднимаются на высоты, но и не падают в пропасти. Как правило, они избегают риска, и, – тренер тонко улыбнулся, – не пьют шампанского, уточняю – французского. Их жизнь спокойна и лишена неожиданностей, а, следовательно, на взгляд удачника – скучна. Итак, ваши рецепты. Только помните про баланс поглаживаний и пинков для перехода милой барышни в категорию удачников. Поглаживания должны превалировать.

И посыпались советы. Елена поворачивалась на очередной голос, механически кивала, натужно улыбалась, понимая, что практически ни одним советом воспользоваться не сможет, но еще не осознав, что тренинг артистичным тренером переведен в разряд шоу...

Из салона она выходила в обществе дамы, имеющей личного психоаналитика. Дама взгромоздилась на свои каблук и имела двойную выгоду от сопровождения – утолять жажду учить и иметь хоть хрупкую, но опору, так как еле ковыляла. Поток поучений прервался возгласом:

– Катя, ты почему не была на тренинге?

Катя, по-видимому, дочь полной дамы, подошла ближе, бормотала извинения. Елена отметила ее привлекательность. Особенно хороши были ярко-рыжие тяжелые пряди, контрастирующие с тонко вылепленным бледным лицом. Подошел и мужчина в темном костюме, он принял на себя услугу по поддержке хозяйского тела.

– У тебя сейчас фитнес, после – сразу домой! – Борис мне нужен допоздна, так что добирайся сама, – велела властная мать и отбыла. Попрошаться с Еленой она позабыла.

– У меня к вам просьба, вы же были на тренинге?

Елена кивнула и согласилась на рассказ о происшедшем, как и на чашечку кофе в баре клуба. Катя ей была симпатична, а ее ситуация взаимоотношений с матерью – зеркальным отражением ее ситуации. Еще подумалось, что Катя напрасно думает подольститься к матери расспросами о тренинге. Полная дама, оставшаяся для нее без име-

ни, наверняка не одобрит общение дочери, пусть не с неудачником, но все же середнячком.

– Может, возьмем к кофе ликерцу? – предложила Катя в баре.

Халявное угощение для Елены имело черту, за которую переходить было не в Елениных правилах и она отказалась.

– Зря, ликер здесь отличный, особенно банановый. А я все же возьму себе. Не часто я не за рулем.

Скоро стало понятно, что найти общий язык ровесникам не составило труда. Еленин рассказ бесконечно перебивался непосредственным: «и ты решилась?! Я бы сквозь землю провалилась», «поучать они все здесь горазды», «логопедом? В детском саду?! Ну ты и счастливица!»

Катя, оказывается, мечтала стать воспитательницей детского сада – «маленькие – они все послушные, мне с ними было бы легко». Но любительнице поучать нужен был для дочери диплом юриста.

– Они все там в МГУ такие умные... Даже на платном. – делилась Катя, – Мать за мои курсовые по триста баксов платила. А ведь сразу же видно, что не я писала. Препод ведь не идиот. Усмехнется и «хорошо» ставит. Так мать потом у аспирантов половину суммы требовала назад. Я такой срыв нервный получила, что пришлось в академический уйти. ГОСы, слава Богу, не...

Елена сочувственно кивала. Ей и с институтом, и с курсницами везло. До сих пор дружат.

– Парня у меня нет, – продолжала откровенничать Катя. – Смотрят, конечно, многие, некоторые – прямо лупятся, но что бы подойти, познакомиться – нет. Витьке – брату младшему – квартиру купили, а мне – нет. Пусть, мол, муж покупает. А какой тут муж?! Она и не подумает, что личную жизнь сейчас без своей квартиры не устроишь. Она у нас все решает и все – в пользу любимчика.

Выходило, что Кате не о тренинге надо было узнать, а выговориться. И выговориться в темпе – у нее в запасе было не более пятнадцати минут. Перед выходом девушка приняла еще «ликерцу» и предложила обменяться телефонами. Обменялись. Катя на Еленин – даже вылупилась: «ничего себе раритет». И сходу предложила дружбу. С подругами у нее, скорее всего, было не густо. Только Елена уже точно знала – не выйдет у них дружбы. Где встречаться?

СОДЕРЖАНИЕ

О чем говорить? И еще поняла, что по шкале, озвученной сегодняшним психотерапевтом, красавица Катя отнюдь не «принцесса». Комфортабельная жизнь – так, приложение. Банк пинков зашкаливал, да и самооценка – не та.

Катя с некоторой неохотой встала и попрощалась. Кивнув официанту, она положила деньги на стол и отчалила в неизвестном направлении. Елене подумалось, что походы в фитнес-клуб, за которые полная дама на неустойчивых каблуках выкладывает немалые деньги, для Кати не приносят ни малейшего удовольствия, а в жизни ее есть лишь материнское «надо».

Как говорил тренер, неудачник обычно руководствуется мнением и ожиданиями других при принятии решений, живет чужой жизнью в ожидании чуда.

Вспомнились привычно-стереотипные отношения с матерью, перешедшие в отношения пассивно-покорного подчинения с заведующей детского сада.

«Важно понимать себя, знать свои интересы, стоять на своем, где это необходимо», – подумала Елена и, неспешно допив свой кофе в одиночестве, направилась к выходу.

Об авторе	3
Я. Online. Повествование без вымысла	4
Случайности – жизни узоры	26
От 12-ти и старше.....	31
Везунчики – невезунчики.....	36

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

СОФИЯ ЦИХИЛОВНА КАМАЛОВА
Я. Online

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров
Сдано в набор 26.11.2013
Подписано в печать 12.12.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75